

3

В программке написано: «традиция тревелога», но мы понимаем, что тревелога в русской литературе как такового не было, жанр путешествий был чуть посложнее. Кроме того, нужно отдавать себе отчёт в том, как работает традиция. Мы знаем о мире, в том числе о путешествиях в русской литературе, гораздо больше, чем большинство авторов книг, о которых будем разговаривать. Они не обязательно читали то, что читали мы, и не знали, что будет написано после них. Поэтому нужно учитывать, что в традиции всякая реконструкция — это конструкция. Мы отчасти строим конструкцию.

Сейчас в Пермской художественной галерее проходит замечательная выставка сокровищ из русских музеев. Вот мы приходим в музей и смотрим: каждая картина прекрасна сама по себе. Мы не увидели бы их, потому что большинство из них не выставлены в очевидных экспозициях. Идеологически за этим стоит задача показать, что есть какой-то русский канон и он существует объективно, а не мы его здесь и сейчас производим. Хотя на самом деле мы производим канон, когда говорим, что есть вот такая традиция.

Начнём с того, когда в русской словесности появляется путешествие. Это, конечно, «Хождение во Святую землю» игумена Даниила, примерно четвёртый–шестой годы XII века. До нас дошло 150 копий, что означает невероятную распространённость этого текста. Но многие ли могли последовать примеру Даниила и поехать вслед за ним? Очевидно, нет. Не было налаженного механизма доставки

благочестивых паломников на Святую землю. Для чего же тогда он пишет? Чтобы рассказать, какова Святая земля. Если вы читаете текст, то видите, что там больше рассказано о том, сколько локтей от одной точки до другой и куда не нужно поворачивать во время путешествия. Этот текст почти утопический, ведь понятно, что за этим никто не последует. Но почему-то людям важно знать, куда мы движемся и с какой целью. И это, может быть, одно из последних русских произведений, посвящённых теме пути и дороги, где автору понятна цель. Он знает, куда стремится и куда хочет привести своих читателей. Со всем остальным гораздо сложнее, даже с такими текстами, которые кажутся уж совсем очевидными.

Другой текст — «Хождение за три моря» Афанасия Никитина. Если мы читаем его в современном русском, это одна история; но древнерусский оригинал показывает, что человек находится в языковом отчаянии, у него смешение сознания: зачем поехал — непонятно, что увидел — не знает, что получил в итоге — неведомо. Этот текст, как сказали бы учёные, структурообразующий для последующей традиции.

Одно попутное соображение про то, как работает и функционирует традиция. Мы с европейской культурой находимся на полюсах одного общеисторического отрезка. Это касается наших главных праздников — Рождества и Пасхи; войн: для носителей европейского сознания главное событие XX века — Первая мировая война, а у нас это Вторая мировая.